

«Большой дядя, как только начнется война, Великий Тан обязательно проиграет!»

Ван Чун опустился на колени на землю и сказал с сокрушенным горем голосом: «Я абсолютно не собираюсь помогать Мэнше Чжао, остановив эту войну. Меня беспокоит только Великий Тан. В этой войне примут участие 300 000 элитных солдат Мэнше Чжао и 180 000 солдат армии Великой Династии протектората Аннан. Как только она начнется, это будет беспрецедентная война. Большой дядя, ты когда-нибудь думал о том, что произойдет, если Великий Тан проиграет?»

Ван Гэн был ошеломлен.

Он был гражданским чиновником и, следовательно, не был мастером военной стратегии. Императорский двор проводил время, обсуждая, как наказать Мэнше Чжао и Гелуофэна.

Что же касается проигрыша Великого Тана, никто даже не задумывался об этой проблеме, и никто бы никогда не рассматривал проблему с этой точки зрения.

Великий Тан не проигрывал. Это было убеждение, глубоко укоренившееся в умах каждого.

Однако победа и поражение были обычным делом для солдата. Ван Гэн должен был признать, что после начала войны победа и поражение были в равной степени возможны. Великий Тан вполне мог проиграть.

В своем сердце Ван Гэн не верил, что Великий Тан проиграет, но, будучи членом клана министров и генералов, он не мог не знать об этом принципе.

На мгновение Ван Гэн был потрясен вопросом Ван Чуна.

Темная тюрьма была холодной, тусклый свет сиял на еще более холодных кирпичках на полу. Ван Чун чувствовал бесконечный холод, поднимаясь с колен, но в его сердце было еще холоднее.

Помимо дыхания, вокруг Ван Чуна была только тишина. Но Ван Чун отчетливо слышал громовые барабаны в ушах.

Это был предупреждающий звук судьбы.

Этот мир миллионов существ снова шел к пропасти разрушения. Клочок света появится перед рассветом. Лист упадет до наступления осени.

Война на юго-западе не была обычной войной!

Полное поражение 180 000 элитных солдат, миллионы жизней превратятся в кости, юго-запад Великого Тана впервые совершенно незащищен перед двумя зарубежными странами...

Эти катастрофические обстоятельства ошеломили бы всю империю! Они также шокировали бы всех Ху вдоль обширной границы Великого Тана, всех шакалов и волков.

Поражение 180 000 элитных солдат нанесло бы беспрецедентную рану империи. Военные Великого Тана потеряли бы почти треть своей силы.

В истории Великой Династии Тан жертв такого масштаба еще не было.

Эта война вдохновила все великие державы на периферии Великого Тана: восточные и западно-тюркские каганаты, Когурё, далекий Аббасидский халифат и Харакс Спасину, и даже Мэнше Чжао и У-Цан, которые начали войну...

Впервые эти силы, граничащие с Великим Таном, поняли, что он не так силен, как они себе представляли. Великий Тан больше не был таким непобедимым и страшным Великим Таном.

Эта война покажет слабую сторону Великого Тана всем иностранным державам. Все они начнут жаждать действий, их жадные взгляды устремятся на Великий Тан.

Северо-запад, северо-восток, север, Лунси... Великий Тан будет втянут в бесконечные войны. Массивная империя, самая сильная культура во всей истории Центральных Равнин, начнет приходить в упадок.

Это была вечная боль всех людей Великого Тана! Боль Центральных Равнин!

Несмотря ни на что, Ван Чун должен был изменить это.

«... Большой дядя, я знаю, что этот вопрос выставит вас в плохом свете! Но я бы хотел, чтобы Большой Дядя подумал, обманывал ли когда-нибудь ваш племянник Большого Дядю? Я знаю, что это вызовет проблемы для Большого Дяди, но сделайте это ради своего племянника. Я никогда не просил ничего у Большого Дяди. Однако на этот раз я прошу, чтобы Большой Дядя пообещал вашему племяннику, что независимо от того, сколько людей будет против вас, сколько людей оклеветают вас, Большой Дядя должен остановить эту войну! Это не только ради Клана Ван, но для Великого Тана! Время в конечном итоге докажет, что ваш племянник прав!»

В конце Ван Чун сжал кулаки и прижал лоб к земле так сильно, что на его теле выступили вены.

Ему было предопределено быть одиноким на своем пути мести, и только те, кто лично испытал это, могли понять, как трудно было изменить судьбу империи, этого мира.

У него в голове было слишком много вещей, о которых он не мог говорить другим. Трудно было убедить даже такого близкого ему человека, как его большой дядя, не говоря уже о других.

Ван Гэн был глубоко тронут стоящим на коленях Ван Чуном. Хотя Ван Чун не сказал много, Ван Гэн почувствовал, что его разум так же устойчив, как камень, что его воля непоколебима.

«Чун-эр, дай мне подумать об этом!»

Ван Гэн глубоко вздохнул и закрыл глаза. Военные дела страны не были пустяками, и их нельзя было решить эмоциями. Было определенно неуместно, чтобы личные чувства перевешивали общественное благо. Это был принцип, который отстаивался в течение его многих лет при дворе.

Если бы это был какой-то другой потомок клана Ван, даже его собственный сын Ван Ли, Ван Гэн даже не принял бы его слова во внимание. Но это был Ван Чун...

Сцены из прошлого промелькнули в его голове. Ван Чун уже проявил себя в инциденте с региональными командирами и в инциденте с супругой Тайчжэнь. Он даже был первым, кто

узнал о битве на юго-западе.

И в каждом из этих случаев Ван Чун был прав!

Казалось, он обладал некоторым предвидением, которое позволяло ему найти правильный путь среди тысяч возможных.

«Чун-эр, скажи мне, что я не пожалею о своем решении сегодня!» - вдруг сказал Ван Гэн.

«Большой дядя не пожалеет об этом».

Ван Чун был в восторге.

Он мог сказать, что его большой дядя согласился.

Ван Гэн еще раз вздохнул.

«Чун-эр, я могу пообещать помочь тебе в этом вопросе. Впервые я выскажу свои личные мысли по поводу общественного блага и изменю свою позицию, а также в последний раз, понимаешь?»

Ван Гэн открыл глаза.

«Ваш племянник понимает», - строго ответил Ван Чун.

Во время инцидента с региональными командирами, потому что он знал о личности своего большого дяди, он работал над ним сам и пытался убедить только Короля Суна.

«Говори - что еще тебе нужно, чтобы я сделал?» - спросил Ван Гэн, выражение его лица на самом деле было намного более спокойным.

«Да!»

Ван Чун кивнул и сказал: «Большой дядя, когда ты вернешься, пожалуйста, скажи королю Суну, что он должен лично выйти вперед, несмотря ни на что. Кроме того, у меня есть письмо. Большой дядя, пожалуйста, отдай его Ян Чжао. Для того, чтобы изменить решение Императорского Двора, Большому дяде, Королю Суну и супруге Тайчжэнь придется работать вместе!»

«Кроме того, Большой Дядя, пожалуйста, сообщите Королю Суну, что мы определенно не пытаемся помочь Мэнше Чжао. Амбиции Гелуофэна ясны, и он должен быть наказан, но сейчас не время. Пожалуйста, задержите его как можно дольше. Это должно быть сделано перед тем, как уйти. Поэтому начиная с этого момента, Большой Дядя и Король Сун должны начать использовать Бюро Военного Персонала для перемещения войск на юго-запад.»

«Всего лишь 180-тысячная армия на юго-западе будет далека от того, чтобы справиться с Гелуофэном. Достаточным будет только 300 000 и более солдат!»

Ван Гэн покачал головой и ответил: «Невозможно! Мобилизация войск имеет огромное значение, и даже король Сун не может произвольно переместить 100 000 солдат. Он может сделать это только с разрешения других министров».

Король Сун обладал большим авторитетом в Бюро Военного Персонала, но не до такой степени, чтобы он был в состоянии скрыть свои движения от кого бы он ни пожелал. По

крайней мере, король Ци имел столько же авторитета в Бюро Военного Персонала.

Более того, Великий Тан всегда вел войны, обладая и меньшим количеством войск. Великий Тан делал ставку на элитные войска, хорошо экипированные и снабженные, солдат, вооруженных до зубов и способных подавить любую оппозицию.

Если бы они действительно мобилизовали более 300 000 военнослужащих, Великий Тан был бы вполне способен сокрушить Мэнше Чжао. Это было бы проведение войны на истребление.

Тем не менее, Великий Тан не имел так много войск. Если они переведут 300 000 солдат, это ослабит оборону в других областях, создавая еще большие проблем на будущее.

«Тогда используйте резервы и армии префектур! Это лучший источник войск, обходящий Бюро Военного Персонала и уменьшающий любое сопротивление!»

Взгляд Ван Чуна был острым, его голос был решительным. Будучи Святым Войны Великого Тана в своей прошлой жизни, последним Великим Маршалом Центральных равнин, Ван Чун гораздо лучше разбирался в армии, чем его большой дядя.

«Поле битвы - лучшая кузница. Три месяца - это достаточно времени, чтобы подготовить регулярную армию, которая обычно занимает несколько лет. Эти префектурные армии - лучшее место для поиска войск!»

Полная военная система имела как постоянную армию, так и резервные войска. Это было то, в чем Мэнше Чжао, У-Цан, Когурё и Тюркские каганаты уступали.

Хотя в Великом Тане было не так много солдат, у него всегда были большие резервные силы. Хотя их число было не таким большим, их было как минимум 200 000.

Кроме того, Великий Тан имел строгую подготовку, которая превосходила таковую других армий. Она велась систематически, и любой солдат, прошедший эту сложную подготовку, мог в любое время выйти на поле битвы.

По этой же причине Великий Тан мог поддерживать стабильное количество солдат, несмотря на то, что сражался один против шести и участвовал в бесконечных битвах, которые привели к значительным жертвам.

Тем не менее, резервные войска все еще оставались резервными войсками, которым не хватало опыта на поле боя. Отправка их на поле битвы может быстро произвести много квалифицированных и опытных воинов, но будет много жертв.

И мобилизация этих резервных войск приведет к недостатку в военной «пирамиде» Великого Тана. Серьезная нехватка подготовки среди резервных войск будет иметь большие последствия в будущем.

Ван Гэн посмотрел на Ван Чуна со странным выражением в глазах.

Ван Чун понимал больше вещей, чем даже он, и то, как Ван Чун говорил о них, было совсем не так, как говорил бы подросток.

«Я сделаю все возможное, чтобы убедить Короля Суна. Война императорского двора против Мэншэ Чжао кажется несомненной. Если ее не избежать, возможно, твой путь на самом деле является лучшим.»

Ван Гэн вздохнул.

«... Есть еще один вопрос, о котором мне нужно поговорить с большим дядей».

«Говори.»

Ван Чун прямо не сказал этого, вместо этого наклонился вперед и прошептал.

«У-Цан!!»

Ван Гэн сразу понял, его тело задрожало.

«Большой дядя, несмотря ни на что, донесите эти слова до Чжанчжоу Цзяньцюна. Юго-запад - это не наша территория. Только слова Чжанчоу Цзяньцюна могут иметь вес для Сянью Чжунтуна», - сказал Ван Чун.

Мэнше Чжао никогда не был большой проблемой для Великого Тана. Истинной проблемой был У-Цан. Неважно, что происходит, за движениями У-Цана нужно было наблюдать все время.

Недостаток понимания по этому вопросу приведет к повторению трагедии из его прошлой жизни.

«Я понимаю. Оставь это дело мне».

Ван Гэн наконец ушел.

В тот момент, когда Ван Гэн ушел, мрачная тюрьма стала очень тихой.

«Выходите!» - вдруг сказал Ван Чун, даже не поднимая головы.

Через несколько мгновений из мрака появилось несколько фигур. Чжэн Чэньчжоу вышел из-за спины экспертов камергера зависимостей.

«Ван Чун, мне все равно, какие вопросы о состоянии вы обсуждали со своим большим дядей. Вы не сможете сбежать», - грубо сказал Чжэн Чэньчжоу.

«Вам не нужно беспокоиться об этом», - равнодушно сказал Ван Чун.

Чжэн Чэньчжоу только фыркнул, не пытаясь ответить. Он поговорил с подчиненным, прежде чем уйти.

После того, как все ушли, Ван Чун еще раз начал рисовать на земле. Карта Великого Тана, нарисованная вокруг него, стала еще сложнее за последние несколько дней.

На этой карте было много символов, совершенно не похожих ни на один из найденных в этом мире. Только Ван Чун мог понять их!